

Я. С. ДРАБКИН

РАБОЧИЙ И СОЛДАТСКИЙ СОВЕТ БЕРЛИНА В НОЯБРЕ — ДЕКАБРЕ 1918 г.

За последние годы немецкие и советские историки опубликовали много работ, посвященных различным вопросам истории Ноябрьской революции. Среди этих работ имеются и статьи о рабочих и солдатских Советах, значительно обогащающие наши представления о роли и значении Советов в революции¹.

Особенного внимания, как нам кажется, заслуживает деятельность рабочего и солдатского Совета Берлина и его Исполнительного комитета, который в течение первых пяти недель революции, до Всегерманского съезда Советов, являлся центральным органом германских Советов. Его деятельность в той или иной степени освещена во многих работах, но специальному исследованию пока еще не подвергалась.

До недавнего времени историки Ноябрьской революции, изучая вопрос о роли, которую сыграл в революции Берлинский Совет, были вынуждены ограничиваться сведениями, почерпнутыми главным образом из вторых рук. Значительное количество фактов приведено в обстоятельной работе бывшего председателя Исполкома, левого независимца Рихарда Мюллера², но на подборе их лежит сильный отпечаток стремления автора оправдать свою позицию. В еще большей степени это относится к воспоминаниям другого члена ИК Берлинского Совета, правого социал-демократа Германа Мюллера³.

В прессе того времени была опубликована лишь часть решений Исполкома. Неполным был и изданный самим ИК для делегатов Всегерманского съезда Советов сборник воззваний и распоряжений⁴. Протоколы заседаний Исполкома и пленарных собраний рабочего и солдатского Совета Берлина не были изданы ни во время революции, ни позднее. Ознакомление с этими протоколами, хранящимися в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ⁵, позволяет не только существенно расширить наши знания о

¹ Мы имеем в виду статьи, опубликованные в журнале «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, Н. 2, 3, 5; 1957, Н. 1, 5; 1958, Н. 1, 3; см. также В. Биллик О солдатских Советах в германской армии (ноябрь 1918 г.—июнь 1919 г.).— «Уч. зап. Великолукского пед. института», 1956, № 2; Ю. Жюгда и Д. Файнгаузас. Революционное движение в немецких войсках в Литве (1918—1919 гг.).— «Новая и новейшая история», 1957, № 3; Р. Бауэр. К вопросу о роли Советов в Ноябрьской революции в Германии.— Там же. 1957, № 4.

² R. Müller. Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. II. Wien, 1925 (русск. перев.: Р. Мюллер. Мировая война и германская революция, т. II. М., 1925).

³ H. Müller. Die Novemberrevolution. Erinnerungen. Berlin, 1928.

⁴ «Aufrufe, Verordnungen und Beschlüsse des Vollzugsrates des Arbeiter- und Soldatenrates Gross-Berlin» (далее — «Aufrufe»). Berlin, 1918.

⁵ В настоящей статье использованы: «Protokolle des Vollzugsrates der Berliner Arbeiter- und Soldatenräte» (далее — «Vollzugsrat»). Reichsarchiv B. Bd. 1, vom 11.XI. 1918 bis 30.XI. 1918 (Sign. 11/1); Bd. 2, vom 1. bis 15.XII. 1918 (Sign. 11/2); Bd. 3, vom 16.XII. 1918 bis 31.XII. 1918 (Sign. 11/3). «Protokolle der Vollversammlungen der Arbeiter- und Soldatenräte von Gross-Berlin» (далее — «Vollversammlungen»), Reichsarchiv A. Bd. 1, vom 19.IX. bis 23.XII. 1918 (Sign. 11/11). Микрофильмы этих протоколов

деятельности Берлинского Совета и его ИК, но и внести некоторые коррективы в предвзятые оценки авторов мемуаров, которые проникли в историческую литературу⁶.

* * *

Великая победа рабочих и крестьян России, свергнувших под руководством большевистской партии в октябре 1917 г. власть эксплуататоров и создавших первое в мире Советское государство, могучим эхом отозвалась во всех частях света. Влияние Октябрьской революции и мирной инициативы советского правительства было особенно сильным в Германии, народ которой изнывал от губительной войны, усилившегося голода, произвола военной диктатуры. Героические борцы пролетариата во главе с Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, Францем Мерингом и другими, создавшие группу «Спартак», энергично звали германских рабочих последовать русскому примеру. В январе 1918 г. страну потрясла всеобщая стачка. В Германии возникли рабочие и солдатские Советы.

Назревала народная революция. Толчок ей был дан военной катастрофой, дезорганизовавшей правящие классы. Первыми под красные знамена встали моряки военно-морского флота. 3—4 ноября 1918 г. в Киле был образован рабочий и солдатский Совет. Пламя революции распространялось с огромной быстротой: Советы появились в Гамбурге, Бремене, Вильгельмсгафене и других городах, была свергнута монархия в Баварии.

Берлин внешне оставался спокойным. Еще 8 ноября на улицах был расклеен приказ генерала фон Линсингена, запрещавший создавать Советы «по русскому образцу», так как это «угрожает общественному порядку»⁷. Правда, в Берлине еще с апреля 1917 г. нелегально существовал так называемый комитет революционных старост, состоявший из представителей рабочих крупнейших предприятий столицы. В октябре 1918 г. на собраниях комитета неоднократно обсуждалось политическое положение, намечались меры по организации рабочих Берлина. Однако в обстановке начавшейся в Германии революции пагубно сказывалось отсутствие подлинно революционной пролетарской партии, способной повести за собой массы. Группа «Спартак» вела энергичную революционную пропаганду, но спартаковцы не порвали окончательно с соглашателями и, оставаясь в Независимой социал-демократической партии, не имели собственной организации, которая опиралась бы на широкие массы.

Когда в конце октября был освобожден из тюрьмы Карл Либкнехт и из Голландии вернулся Вильгельм Пик, они с небольшой группой единомышленников развернули кипучую деятельность. Однако стоявшие во главе комитета революционных старост независимцы проявляли колебания и нерешительность. Эти «сверхумные фабриканты революции», как метко назвал их Либкнехт, не шли дальше радикальных речей. Даже после получения известий о победоносном шествии революции по стране они стремились отодвинуть срок восстания в Берлине.

Только вечером 8 ноября комитет революционных старост принял, наконец, решение призвать берлинских трудящихся к всеобщей забастовке и массовой демонстрации. Выпущенная комитетом листовка была подпи-

имеются в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 210, оп. 1, ед. хр. 1732. К сожалению, среди них отсутствуют протоколы многих общих собраний (например, собрания в цирке Буша 10 ноября), а также совместных заседаний ИК и правительства, заседаний комиссий ИК и т. п.

⁶ Г. Мюллер пытается преуменьшить значение этих документов, утверждая, что «незаверенные (участниками.— Я. Д.) протоколы, поскольку они вообще имеются, могут... лишь с большой осторожностью быть использованы будущим историком» (H. Müller. Die Novemberrevolution, S. 112). Очевидно, Г. Мюллер хотел таким утверждением придать больший вес своим тенденциозным воспоминаниям.

⁷ E. Drah, R. Friedegg. Deutscher Revolutions-Almanach für das Jahr 1919. Hamburg — Berlin, 1919, S. 59.

Митинг в Берлине на площади Бель-Альянс 9 ноября 1918 г.

сана: «Исполнительный комитет рабочего и солдатского Совета». В ней выдвигалось требование социалистической республики, однако не содержалось конкретной программы действий⁸. Выгодно отличалась от нее изданная в ту же ночь листовка спартаковцев. Она формулировала ближайшие цели борьбы рабочих и солдат: освобождение политзаключенных, устранение всех династий и ликвидация отдельных государств, выборы рабочих и солдатских Советов, создание советского правительства, немедленное установление связи с международным пролетариатом, прежде всего с Советской Россией⁹.

Утром 9 ноября мощные колонны рабочих двинулись к центру города; к демонстрантам присоединились солдаты. Не имея возможности оказать революции сколько-нибудь организованное сопротивление, правящие круги лихорадочно пытались дезориентировать революционных рабочих и солдат. На помощь кайзеровскому правительству и на этот раз пришли правые лидеры социал-демократии, всеми силами противившиеся развитию революции. Председатель правления СДПГ Ф. Эберт охотно принял из рук Макса Баденского пост рейхсканцлера, рассчитывая, что социал-демократия, став во главе движения, сумеет свести его на нет.

Учитывая популярность в массах идеи Советов, шейдемановцы предприняли ловкий маневр. Еще накануне они буквально третировали Советы; но в критический момент они собрали в редакции «Vorwärts» своих сторонников и объявили их «рабочим и солдатским Советом»¹⁰. От имени этого самозванного «Совета» были выпущены два воззвания, в которых сообщалось, что «движением руководят совместно Социал-демократическая и Независимая социал-демократическая партии Германии» и что революция в Берлине победила, поскольку Эберт стал главой правительства¹¹. Однако правые социал-демократы не без основания считали, что положение нового рейхсканцлера будет непрочным, если он не сможет получить поддержку Советов, возникших по всей стране.

Вечером 9 ноября в пленарном зале рейхстага, украшенном красными флагами и полотнищами, открылось первое собрание рабочих и солдатских Советов Берлина. Среди собравшихся было мало социалистов. Значительное большинство их составляли солдаты, из которых лишь немногие сознавали политическое значение момента¹². Собрание открыл руководитель революционных старост независимец Эмиль Барт, вслед за ним выступил независимец Рихард Мюллер. После довольно сумбурных речей было принято решение провести на следующий день, в воскресенье утром, выборы: на предприятиях — рабочих, а в казармах — солдатских делегатов. В 5 час. вечера 10 ноября они должны были собраться в цирке Буша, чтобы избрать временное правительство.

Руководство правых социал-демократов хорошо понимало всю серьезность создавшегося положения. На собрании в рейхстаге никто и не вспомнил о правительстве Эберта, сидевшем в имперской канцелярии. Вполне реальной была возможность того, что на втором собрании Советов будет создано контрправительство¹³. Немедленно был приведен в движение весь аппарат социал-демократической партии и профсоюзов. «Удосто-

⁸ См. W. Pieck. Reden und Aufsätze, Bd. I. Berlin, 1950, S. 40.

⁹ K. Liebknecht. Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze. Berlin, 1952, S. 466—467.

¹⁰ По сообщению буржуазной газеты «Vossische Zeitung», в состав этого «совета» входили Эберт, Вельс, Браун, Эрнст и 12 социал-демократических функционеров с берлинских предприятий. В этот же день социал-демократические лидеры создали в военном министерстве еще один «солдатский совет». Сыграв свою роль в первые дни революции, эти «советы» исчезли.

¹¹ «Vorwärts», Extraausgabe, 9.XI. 1918; E. Buchner. Revolutionsdokumente, Bd. I. Berlin, 1921, S. 130. Характерно, что оба эти воззвания были впоследствии включены в сборник документов Берлинского Совета. — См. «Aufrufe», № 1, 2.

¹² См. W. Pieck. Reden und Aufsätze, Bd. I, S. 94.

¹³ F. Stampfer. Die ersten 14 Jahre der Deutschen Republik. Offenbach — Main, 1947, S. 64.

верения стопами печатались на машинках, — с удовлетворением вспоминал впоследствии Г. Мюллер, — все имевшиеся печати прикладывались к готовым мандатам. Раздавались красные повязки. Во все направления рассылались наблюдательные посты. Телефон звонил непрерывно... Все опытные товарищи были в волнении, так как они поняли, что должен означать созыв собрания в цирке Буша¹⁴. Представители солдат и социал-демократические функционеры берлинских предприятий были созваны к 2 час. дня в помещение редакции «Vorwärts». Здесь собравшимся было «разъяснено», что они должны требовать на собрании Советов созыва Национального собрания, а до этого — образования «паритетного» правительства из представителей СДПГ и НСДПГ или (в случае отказа независимцев) правительства Эберта — Шейдемана. Из «Vorwärts» солдаты строем направились в цирк Буша.

Группа «Спартак», сыгравшая главную роль в идейной подготовке революции и энергично призывавшая трудящихся к борьбе за ее продолжение, и прежде всего за установление полномочия Советов, не имела, как об этом говорилось уже выше, в этот момент самостоятельной массовой организации. В силу этого «Спартак» мог только, как отмечал В. Пик, «вести агитацию среди рабочих, указывая им их задачи, предостерегать от предательства социал-демократических вожakov и начинать организовывать революцию»¹⁵. В листовке, адресованной делегатам рабочих и солдатских Советов, спартаковцы призывали их не голосовать за шейдемановцев и за тех, кто намерен сотрудничать с ними и с буржуазией¹⁶. Но всего этого было недостаточно, чтобы парализовать пагубное влияние лидеров социал-демократии большинства и независимцев.

Второе собрание рабочих и солдатских Советов Берлина открылось в цирке Буша 10 ноября 1918 г., вскоре после 5 час. вечера. Собралось около 3 тыс. человек, причем никакого контроля полномочий проведено не было¹⁷. Как и на первом собрании, здесь присутствовало много солдат. Солдатские делегаты, как об этом писал К. Либкнехт, были «представителями массы, состоявшей из всех классов общества, в которой пролетариат имел значительное преобладание, но отнюдь не его классово сознательные, боевые элементы»¹⁸.

Сообщение Эберта о том, что между руководителями СДПГ и НСДПГ достигнуто соглашение об образовании паритетного «социалистического» правительства, было встречено с одобрением. Вслед за Гаазе на трибуну поднялся Либкнехт. Он предостерегал солдат и рабочих против слепой доверчивости к социал-демократическим лидерам, которые не раз предавали трудящихся. Однако его заявление, что контрреволюция уже проникла и в ряды участников собрания, вызвало ропот возмущения и даже угрозы со стороны солдат, находившихся под влиянием шейдемановцев.

От имени Исполкома революционных старост собранию был предложен состав Исполнительного комитета (Vollzugsrat) рабочего и солдатского Совета Берлина, в который, наряду с независимцами Э. Бартом, Р. Мюллером и Г. Ледебуром, должны были войти также руководители спартаковцев — К. Либкнехт, Р. Люксембург, В. Пик. Тогда Эберт предложил составить Исполком, как и правительство, на основе «паритета». Его поддерживали солдаты, потребовав включения в Исполком и своих представителей. После бурных споров в Исполком были избраны 6 правых социал-демократов, 6 независимцев и 12 солдат, которые в большинстве своем шли за шейдемановцами¹⁹.

¹⁴ H. Müller. Die Novemberrevolution, S. 62.

¹⁵ W. Pieck. Reden und Aufsätze, Bd. I, S. 99.

¹⁶ «Extrablatt», 9.XI.1918. — Фонды Государственного музея революции СССР. № 16.937/115, Л. 443—2Б.

¹⁷ Говорить о «пленарном заседании Совета» нельзя уже потому, что такая формулировка предполагает наличие постоянного, оформленного состава Совета.

¹⁸ K. Liebknecht. Ausgewählte Reden..., S. 473.

¹⁹ R. Müller. Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. II, S. 37—38.

Собрание утвердило состав правительства, принявшего название «Совет народных уполномоченных» (СНУ): от СДПГ в него вошли Эберт, Шейдеман и Ландсберг, от НСДПГ — Гаазе, Дитман и Барт.

Вслед за тем был одобрен написанный Э. Деймигом манифест «К тру-
дящемуся народу!». В манифесте нашли свое отражение стремления и чая-
ния поднявшихся на революцию масс, которым не хватало, однако, ясного
понимания сложившейся обстановки. В манифесте говорилось о сверже-
нии династий и даже о превращении Германии в «социалистическую рес-
публику». Рабочие и солдатские Советы провозглашались носителями по-
литической власти. Приветствуя русских рабочих и солдат, которые первы-
ми вступили на путь пролетарской революции, манифест отмечал, что
«германские рабочие и солдаты последовали за ними». Собрание поручи-
ло правительству немедленно восстановить дипломатические отношения с
Советской Россией и вернуть советское посольство в Берлин²⁰.

Главным вопросом всякой революции является вопрос о власти. «В ру-
ках какого класса власть, это решает все...», — писал В. И. Ленин. — Ни
обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной
вопрос, определяющий *все* в развитии революции, в ее внешней и внут-
ренней политике»²¹.

Собрание Советов показало, что германские рабочие и солдаты, со-
вершившие революцию, не сумели взять действительную власть в свои
руки, поставить у власти людей, которые хотели и были бы способны
осуществить сокровенные надежды трудящихся и решить исторически
назревшие задачи социалистического преобразования общества. Наивная
доверчивость масс позволила «кайзеровским социалистам» при поддержке
соглашателей-независимцев пробраться к власти, стать во главе пра-
вительства. Именно этот реальный факт, а не декларации манифеста,
которые так и остались на бумаге, был важнейшим итогом собрания
Советов в цирке Буша.

Уже первые шаги правительства Эберта — Гаазе, именовавшего себя
«социалистическим», показали, что оно намерено приложить все старания,
чтобы не дать революции развернуться. Кайзеровские чиновники и гене-
ралы были оставлены на своих местах. Опубликованные 12 ноября 1918 г.
программное воззвание и директива о сохранении командной власти офи-
церов в армии свидетельствовали о стремлении правительства поскорее
избавиться от рабочих и солдатских Советов и созывом Учредительного
собрания закрепить превращение Германии в буржуазную парламентар-
ную республику²². Недаром представители буржуазно-юнкерского лагеря
приветствовали создание правительства, призывали чиновников и офице-
ров поддержать его и выражали лишь опасения, что оно не будет «доста-
точно сильным, чтобы сдержать красный поток»²³.

²⁰ «Vossische Zeitung», 11.XI.1918. Характерно, что манифест был опубликован
многими буржуазными газетами, но «Vorwärts» не нашел для него места.

²¹ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 340.

²² Уже 10 ноября СНУ создал секретный «информационный центр», который дол-
жен был собирать сведения о деятельности Советов, чтобы дать возможность прави-
тельству «немедленно выступить против возможного неправомерного вмешательства
или превышения полномочий отдельных органов или лиц», под которыми подразуме-
вались Советы (см. M. Einhorn. Zur Rolle der Räte im November und Dezember
1918. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, H. 3, S. 552). В тайном соглаше-
нии Эберта с генералом Грёнером предусматривалось использование войск Западного
фронта для прямого разгона рабочих и солдатских Советов (см. «Der Dolchstoß-
Prozess in München». München, 1925, S. 223—224; A. N i e m a n n. Revolution von oben —
Umsturz von unten. Berlin, 1927, S. 317—318 и др.). Подписанное 15 ноября 1918 г.
и санкционированное правительством соглашение между лидером профсоюзов Леги-
ном и представителем союзов промышленников Стиннесом о так называемом «дело-
вом сотрудничестве» также имело задачей сорвать деятельность Советов на предпри-
ятиях. — См. J. Reichert. Entstehung, Bedeutung und Ziel der «Arbeitsgemeinschaft». Berlin, 1919; O. Leibrock Die volkswirtschaftliche Bedeutung der deutschen Arbeit-
geberverbände, Bd. I. Berlin, 1922, S. 65.

²³ См., например, «Deutsche Bergwerkszeitung», 17.XI.1918, а также «Die Freiheit»,
2.XII.1918.

В этих условиях важнейшее значение имела позиция рабочего и солдатского Совета Берлина и его Исполнительного комитета. От того, сумеет ли Исполком Берлинского Совета стать подлинным выразителем требований революционных рабочих и солдат, органом действительно революционной власти, способным сорвать предательские планы Эберта и К°, в большой степени зависело дальнейшее развитие Ноябрьской революции.

Первое заседание избранного на собрании в цирке Буша Исполкома состоялось 11 ноября. Все шесть независимцев, входивших в состав ИК, — Э. Барт, Р. Мюллер, Г. Ледебур, П. Эккерт, П. Нейендорф и П. Вегман — принадлежали к левому крылу своей партии и состояли в комитете революционных старост. Правых социал-демократов представляли в ИК функционеры берлинских предприятий Ф. Бюшель, Г. Геллер, Э. Юлих, М. Майнц, О. Руш и Хиоб. Состав солдатских представителей непрерывно менялся; из 12 первоначально избранных только один оставался в Исполкоме до съезда Советов, остальные по разным причинам были выведены или сами сложили полномочия²⁴. 12 ноября Исполком решил увеличить количество своих членов до 28. От независимцев дополнительно вошел Э. Деймиг, от правых социал-демократов — Гирт, а также член правления СДПГ Г. Мюллер (вместе Хиоба)²⁵. В число солдатских представителей был включен шейдемановец, искусный демагог М. Коэн.

Председателями Исполкома являлись Р. Мюллер и Б. Молькенбур (сын известного правосоциалистического лидера). Организационная структура Совета складывалась в значительной мере самотеком²⁶. Некоторые члены Исполкома, особенно из солдат, поспешили создать себе обширный аппарат, наняв значительное количество служащих. Хотя на вопросы внутренней организации было потрачено много времени, ИК так и не смог распутать то хаотическое нагромождение отделов и служб, которое сложилось в первые дни.

С момента своего создания Исполком считал себя верховным органом государственной власти. Его первое решение, принятое 11 ноября, зафиксировано в протоколе с предельной лаконичностью: «Слушали: Компетенция Исполкома. Постановили: К Исполкому переходит диктаторская власть»²⁷. Ход событий очень скоро показал, однако, что это утверждение даже отдаленно не соответствовало реальному положению вещей.

В своем первом воззвании к населению и солдатам Исполком заявлял: «Все местные, провинциальные, имперские и военные учреждения продолжают свою работу. Все их распоряжения издаются по поручению Исполкома рабочего и солдатского Совета». Санкционировав тем самым деятельность всех учреждений старой власти, Исполком одновременно обратил свой гнев против новых организаций, возникших в дни революции: «Все созданные в пределах Большого Берлина после начала революции временные организации, в том числе и такие, которые приняли название рабочего и солдатского Совета и осуществляли определенные административные меры, немедленно ликвидируются»²⁸. Даже если допустить, что

²⁴ Так, за различные злоупотребления были исключены Герхардт, Штробель, Колин-Росс, Вальц. Последний вошел в организацию революционных старост накануне революции. Будучи арестован, он выдал правительству планы восстания. Так как это оставалось некоторое время неизвестным, Вальц в первые недели революции занимал видное место в Берлинском Совете, но был затем разоблачен и изгнан из Исполкома.

²⁵ Г. Мюллер писал впоследствии, что правление СДПГ считало очень важным иметь в Исполкоме своего члена. — H. Müller. Die Novemberrevolution, S. 91, 104. Как выяснилось вскоре, задачей Г. Мюллера был подрыв Исполкома изнутри и превращение его в послушную марионетку правительства.

²⁶ Было сформировано 8 отделов: предприятий Берлина, солдат гарнизона, военный, коммунальный, страхования, прессы и пропаганды, сырья, производства и демобилизации, разных вопросов (?). — «Vollzugsrat», Bd. I, Bl. 8.

²⁷ «Vollzugsrat», Bd. I, Bl. 2.

²⁸ «Aufrufe», № 4.

эта мера была направлена и против самозванных «советов», вроде созданного в редакции «Vorwärts», все же в первую очередь она наносила удар по всем рабочим и солдатским Советам, образованным в районах, на предприятиях, в воинских частях гарнизона. Исполком тем самым подрубал тот сук, на котором сам сидел. Правда, вскоре было издано специальное «разъяснение», что на предприятиях и в воинских частях рабочие и солдатские Советы могут сохраняться и создаваться. Однако и здесь имелась оговорка, что компетенция этих Советов ограничивается внутренними и местными делами²⁹.

В первый же день своей деятельности ИК утвердил военным комендантом Берлина правого социал-демократа Вельса, передав в его ведение распоряжение воинскими частями берлинского гарнизона. Пагубные последствия этого Исполком вскоре ощутил на себе. На пост берлинского полицей-президента был назначен левый независимец Эмиль Эйхгорн, которому были предоставлены полномочия для принятия мер по организации «службы безопасности».

Представители левых независимцев в Исполкоме понимали, что претензии ИК на осуществление высшей государственной власти могли иметь практическое значение лишь в том случае, если бы Исполком располагал реальной вооруженной силой. 11 ноября было принято постановление о создании Красной гвардии, которая должна была находиться в распоряжении Исполкома³⁰. В обращении Исполкома к рабочим и социалистам Берлина от 12 ноября было сказано: «Революция нуждается в охране. Ваше мужество разбило старую крепость, помогите теперь укрепить завоевания революции. Нам нужна ваша помощь. 2000 социалистически обученных и политически организованных товарищей и рабочих, имеющих военную подготовку, должны принять на себя охрану революции»³¹. Воззвание нашло живой отклик, и 13 ноября началось составление списков добровольцев.

Правительство усмотрело, однако, в этом решении Исполкома угрозу для своей власти и немедленно приняло меры, чтобы сорвать его осуществление. Г. Мюллер вводил в заблуждение солдат — членов ИК, утверждая, что принятое ими постановление о создании Красной гвардии якобы означает выражение недоверия солдатам и грозит «развязыванием гражданской войны». Шейдемановцы в тот же день организовали собрание представителей берлинского гарнизона, которое после соответствующих «разъяснений» осудило решение Исполкома и направило специальную депутацию в Исполком. Последний тут же уступил нажиму. «Принимая во внимание, — говорилось в новом решении, — что образование, помимо существующих воинских частей, особой Красной гвардии в штатском платье вызвало у солдат берлинского гарнизона мысль, что созданием этого нового формирования выражается недоверие к революционной надежности войск... Исполком постановил: образование Красной гвардии временно приостановить»³². Слово «временно» было лишь прикрытием капитуляции Исполкома в жизненно важном для всей его деятельности вопросе³³.

²⁹ «Aufrufe», № 9.

³⁰ «Vollzugsrat», Bd. I, Bl. 3. На следующий день это решение было подтверждено. Очевидно поэтому в литературе укоренилось мнение, что решение о создании Красной гвардии было принято 12 ноября.

³¹ «Aufrufe», № 10. Г. Мюллер утверждал впоследствии, что в Красную гвардию должно было быть зачислено не 2, а 12 тыс. человек. По-видимому, эта фальсификация понадобилась Г. Мюллеру для запугивания обывателей «красной опасностью». — H. Müller. Die Novemberrevolution, S. 118.

³² «Aufrufe», № 14.

³³ Правда, неделю спустя независимцы в Исполкоме сделали еще одну робкую попытку поставить этот вопрос. 21 ноября 1918 г. полицей-президент Берлина Эйхгорн жаловался на Исполком, что численность «службы безопасности» недостаточна, а военный комендант Вельс чинит ее деятельности всевозможные препятствия. Независимец Вегман снова заговорил в этой связи о Красной гвардии. Он предложил

Убедившись в беспомощности Исполкома, правительство развернуло наступление на рабочие и солдатские Советы. В ряде крупных промышленных центров, например в Бремене, Гамбурге, Лейпциге, Дрездене, Хемнице, Советы выдвинули революционные требования и пытались в большей или меньшей мере поставить органы старой администрации под свой контроль. Даже те Советы, в которых шейдемановцам удалось захватить руководство, под напором масс время от времени проявляли нежелательную для эксплуататорских классов активность. Поэтому правительство всячески стремилось ограничить сферу деятельности Советов с тем, чтобы подготовить их полное уничтожение.

В Исполком все чаще поступали жалобы от местных Советов, что правительственные учреждения не выполняют их распоряжений. 16 ноября ИК в специальном воззвании указывал: «Согласно поступившим сообщениям, реакционные правительственные органы во многих местах стремятся осуществлять власть по старой системе. По распоряжению прусского правительства все регирунгспрезиденты и ландраты уполномочены продолжать свою деятельность. Это следует, однако, понимать лишь так, что их деятельность должна осуществляться под строжайшим контролем местных рабочих и солдатских Советов». Исполком предложил местным Советам немедленно смещать тех ландратов и прочих чиновников, которые «проявляют или поддерживают контрреволюционные устремления». Обращение заканчивалось грозным предостережением: «Открытое сопротивление должно быть в необходимых случаях сломлено вооруженной силой»³⁴. Но эта угроза оставалась пустым звуком, ибо вооруженной силы ни у Исполкома Берлинского Совета, не сумевшего создать Красную гвардию, ни у большинства местных Советов не было.

Тем не менее прусское правительство (утвержденное незадолго до этого Исполкомом) расценило это воззвание как недопустимое вмешательство в свои prerogatives. СНУ поддержал его, и Исполкому опять пришлось пойти на попятный. В новом решении, от 21 ноября, он заявил, что указанием о смещении чиновников следует пользоваться лишь «в особо необходимых случаях», а в остальных — предварительно обращаться в министерство внутренних дел³⁵.

В эти же дни Исполком сделал еще один ложный шаг, подорвавший его авторитет у рабочих. 15 ноября председатели Исполкома Р. Мюллер и Б. Молькенбур подписали решение, в котором представительство экономических интересов рабочих возлагалось на профсоюзы³⁶. Рабочие восприняли это как подрыв их важного революционного завоевания. В ноябрьские дни на большинстве предприятий были созданы — вопреки профсоюзным лидерам, которые и после революции пытались проводить политику «классового мира» с капиталистами³⁷, — рабочие (производственные) Советы. Во многих случаях эти Советы добились от предпринимателей существенных уступок.

Под нажимом берлинских рабочих Исполком на следующий день вынужден был пересмотреть свое решение и признать право рабочих Советов участвовать в решении всех вопросов, связанных с производственным процессом³⁸.

назвать ее «гражданским ополчением» («Bürgerwehr») и сформировать ее на основе списков добровольцев, выразивших желание вступить в Красную гвардию. Однако для реализации этого предложения ничего не было сделано. — «Vollzugsrat», Bd. I, Bl. 41—48; см. также E. Eichhorn. Über die Januarereignisse. Berlin, 1919, S. 10—11.

³⁴ «Aufrufe», № 19.

³⁵ Ibid., № 24.

³⁶ Ibid., № 17.

³⁷ Как раз 15 ноября было подписано пресловутое соглашение о «деловом сотрудничестве».

³⁸ «Vollzugsrat», Bd. I, Bl. 20; «Aufrufe», № 20.

Характеризуя первые мероприятия Исполкома, Р. Мюллер писал впоследствии, что обращения и распоряжения ИК «соответствовали зрелости его членов и всего рабочего класса. Вместо ясного понимания того, что необходимо, только смутное выражение чувств. Не больше. За этим выражением не стояла воля к действию»³⁹. Р. Мюллер явно пытался переложить на «весь рабочий класс» ответственность за «незрелость» его лидеров. Что касается правых социалистов, то они ясно понимали, что им «необходимо». Колебания, шатания и отсутствие воли к действиям были характерны как раз для левых независимцев, среди которых сам Р. Мюллер отнюдь не был исключением.

Важнейшей задачей Исполкома Берлинского Совета — если он хотел, как об этом не раз заявляли его руководители, стать органом революционной власти — должно было явиться принятие ясной и четкой программы революционных преобразований, которая содержалась в воззваниях «Союза Спартака».

Уже 10 ноября «Die Rote Fahne» писала: «Эта революция должна не только смыть все остатки и развалины феодализма, она должна не только сокрушить все бастионы юнкерства... ее лозунгом является не только республика, а социалистическая республика... Мы стоим еще в начале этого трудного... пути»⁴⁰. Формулируя конкретные задачи революционного пролетариата, спартаковцы требовали развития и укрепления системы рабочих и солдатских Советов, превращения их в действительно полновластные органы, создания Советов батраков и деревенской бедноты, скорейшего созыва Всегерманского съезда Советов. Спартаковцы призывали к ликвидации органов старого государственного аппарата, к провозглашению Германии единой республикой, разоружению офицеров и вооружению рабочих, конфискации имущества династий и крупных помещиков, установлению связей с международным пролетариатом, прежде всего с Советской Россией, и т. п. Важнейшим условием выполнения этих требований спартаковцы считали разоблачение и изоляцию правых социалистов, пробравшихся к власти⁴¹.

В противовес этим революционным требованиям правительство Эберта — Гаазе, ставшее центром сплочения сил контрреволюции, сделало своим главным лозунгом требование скорейшего созыва Учредительного собрания, которое должно было покончить с «беззаконием» и «анархией» революционных дней и укрепить господство монополистов и юнкеров.

Коренный вопрос революции, все более выдвигавшийся ходом событий на первый план, гласил: «Власть Советов или Учредительное собрание?». И, разумеется, Исполком Берлинского Совета не мог обойти этот вопрос, ибо от его решения зависело положение не только самого Исполкома, но и всех рабочих и солдатских Советов Германии.

Попытку сформулировать позицию Исполкома по вопросу о роли и месте рабочих и солдатских Советов в государственном строе послереволюционной Германии предпринял Э. Деймиг. В своем докладе, обсуждавшемся 16 ноября на заседании Исполкома, Деймиг указал, что старая правительственная система потерпела крах. «Мы обязаны сегодня, — сказал он, — непременно добиться ясности, какую позицию мы занимаем в первом и главном вопросе: должно ли то, что мы завоевали, стать буржуазно-демократической или социалистической республикой». Деймиг подчеркнул, что законодательная и исполнительная власть должна принадлежать рабочим и солдатским Советам, а правительство должно быть им подчинено. Если стать на позиции скорейшего созыва Национального

³⁹ R. Müller. Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. II, S. 55—56.

⁴⁰ «Die Rote Fahne», 10.XI. 1918.

⁴¹ Ibidem; см. также R. Luxemburg. Ausgewählte Reden und Schriften, Bd. II. Berlin, 1951, S. 595—596.

собрания, как того требует правительство, продолжал он, то Исполком сам вынесет себе смертный приговор ⁴².

Позиция Деймига не была, однако, последовательной. Он, например, предлагал отложить проведение социалистических преобразований в экономике до заключения мира, недооценивал значение укрепления союза рабочих и солдатских масс (не говоря уже о трудящемся крестьянстве).

Несмотря на расплывчатость многих формулировок, внесенный Деймигом проект решения отражал до некоторой степени устремления рабочего класса. «В революционной организации рабочих и солдатских Советов,— говорилось в этом проекте,— воплотилась новая государственная власть, которую необходимо обеспечить и упрочить, чтобы завоевания революции пошли на благо всему рабочему классу. Этого нельзя достичь путем превращения германского государства в буржуазно-демократическую республику, а только лишь — путем превращения его в пролетарскую республику на социалистической экономической основе... Стремление буржуазных кругов созвать возможно скорее Национальное собрание лишило рабочих плодов революции». Проект предлагал, чтобы Исполком объявил себя противником Учредительного собрания. «Посредством объединения всех рабочих Советов Германии должен быть создан Центральный Совет германских рабочих Советов, который примет новую, соответствующую принципам пролетарской демократии, конституцию» ⁴³.

Выступление и проект Деймига вызвали сильнейшее недовольство правосоциалистических членов Исполкома. Г. Мюллер обвинил Деймига в «недемократическом» желании установить «классовое господство пролетариата против большинства народа». Он предложил поправку, которая должна была подчеркнуть временный характер власти рабочих и солдатских Советов и необходимость сохранения старого чиновничьего аппарата ⁴⁴.

Член СНУ независимец Барт, стремясь сорвать принятие проекта Деймига, заявил, что одобрение проекта взорвет правительство Эберта — Гаазе ⁴⁵. Столкнувшись с сопротивлением, Деймиг пошел на уступки: он заявил, что Учредительное собрание можно созвать, но лишь после длительной подготовки ⁴⁶.

В результате голосования резолюция Деймига была отклонена 12 голосами против 10. За нее голосовали, таким образом, не только независимцы, но также несколько представителей СДПГ и солдат, что было косвенным свидетельством популярности идеи Советов среди германских трудящихся.

Подлинные революционеры сделали бы отсюда вывод о необходимости апелляции к массам и развертывания широкой разъяснительной работы. Независимцы, заседавшие в Исполкоме, предпочли вместо этого пойти на компромисс. По предложению Нейендорфа, декларативная часть проекта была сохранена, а резолютивная «отредактирована» таким образом, что вместо отказа от созыва Учредительного собрания в ней говорилось только о его отсрочке. Сначала должен был быть созван Всегерманский съезд рабочих и солдатских Советов и избран Центральный Совет. Этому Совету поручалось подготовить проект конституции, который затем надлежало передать на утверждение Учредительного собрания. В таком виде резолюция была принята Исполкомом 9 голосами против 7 ⁴⁷.

⁴² «Vollzugsrat», Bd. I, Bl. 10—12.

⁴³ Ibid., Bl. 14—15.

⁴⁴ Ibid., Bl. 31.

⁴⁵ Ibid., Bl. 17, 30.

⁴⁶ Ibid., Bl. 31.

⁴⁷ Ibid., Bl. 32; «Aufrufe», № 21. Р. Мюллер впоследствии признал, что в результате этого решения Исполком «сам лишил себя почвы, на которой родился, из которой только и мог извлекать животворные соки. Эта неясная, колеблющаяся и внутренне противоречивая позиция в коренном вопросе революции делала его (Исполком.— Я. Д.) не только неспособным к действиям, но и смешным». — R. Müller. Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. II, S. 83—84.

19 ноября в цирке Буша состоялось общее собрание рабочих и солдатских Советов Берлина. Выступивший с отчетом о работе Исполкома Р. Мюллер заявил, что опасность контрреволюции «кажется теперь не столь большой». В аудитории это вызвало возгласы сомнения. Перейдя к коренному вопросу — власть Советов или Учредительное собрание?, Р. Мюллер заявил: «Если сейчас будет создано Национальное собрание, это будет смертным приговором для рабочих и солдатских Советов. Они сами себя устранят; этого нельзя допустить. Мы должны утвердить свою власть. — если нельзя иначе, то силой... Когда я это говорю, я знаю, что со мной согласна часть членов Исполкома, а также те рабочие, которые участвовали в подготовке революции, и, конечно, еще большая часть рабочих будет на моей стороне» ⁴⁸.

Пафос этого заявления, как и угрозы «установить диктатуру пролетариата» не вязались, однако, с тем, что за два дня до этого Р. Мюллер голосовал за компромиссное решение по проекту Деймига, и с утверждением Мюллера на самом собрании, что «найден путь сотрудничества» между Исполкомом и СНУ. Ультрареволюционные фразы и в данном случае, как это нередко бывает у мелкобуржуазных революционеров, лишь маскировали боязнь решительных действий.

Многие выступавшие в прениях резко критиковали ИК за принятое им решение о предоставлении лидерам профсоюзов права вести от имени рабочих переговоры с предпринимателями. Рабочие ряда предприятий сообщили, что предприниматели, узнав об этом решении, немедленно перешли в наступление, стремясь лишить рабочих тех прав, которых они сумели добиться в первые дни революции. «Я протестую от имени большей части берлинских рабочих, — сказал Гейер, — чтобы людям, которые четыре года нас предавали, предоставляли такие полномочия» ⁴⁹.

Р. Мюллер вынужден был оправдываться, заявив вместе с тем, что нельзя передать власть на предприятиях производственным Советам: «Мы должны заботиться об организованном переводе военной экономики на мирные рельсы. Нужно действовать единообразно» ⁵⁰.

На собрании раздавались и откровенно враждебные делу революции голоса. Так, матрос Кёлер повторил распространявшиеся буржуазной печатью клеветнические утверждения, будто Либкнехт выплачивает по 2 тыс. марок за каждого убитого матроса. Собрание прервало его негодующими возгласами: «Бессмыслица, клевета!». Рабочий Якобсон заявил: «Краска стыда ударила нам в лицо. Тот, кто это утверждает, — безумец! Не со стороны группы «Спартак», не со стороны НСДПГ, а со стороны международного капитала угрожает нам опасность» ⁵¹.

Э. Деймиг в своем выступлении подчеркнул, что революция сделала только свой первый шаг и нужно сделать еще гораздо более серьезные и трудные шаги, чтобы можно было говорить о социалистической революции. «Товарищи, — сказал он, — не дайте лишить себя власти, испугавшись призрака большевизма. Тот, кто хорошо понимает дело, знает, что под именем большевизма надо подразумевать то, что называется социализмом». Деймиг призвал укреплять рабочие и солдатские Советы, но вместо решительного протеста против Учредительного собрания предложил лишь не допустить, чтобы оно было создано «сломя голову» ⁵².

Герман Мюллер старался усыпить бдительность рабочих разговорами о том, что «и мы хотим социальную республику». Далее он заявил, что вопрос — «Советы или Национальное собрание?» — не может быть решен здесь; это якобы должны решить партии ⁵³. В таком же духе выступил и

⁴⁸ «Vollversammlungen», Bd. I, Bl. 11.

⁴⁹ Ibid., Bl. 22, 34.

⁵⁰ Ibid., Bl. 43—44.

⁵¹ Ibid., Bl. 21.

⁵² Ibid., Bl. 23.

⁵³ Ibid., Bl. 27.

Гаазе. Явно имея в виду Советскую Россию, он призывал «не позволить совлечь себя с пути ошибочными представлениями о чужом примере»⁵⁴.

Продолжительными аплодисментами было встречено выступление Карла Либкнехта. Указав на вздорность клеветнических заявлений, будто он против единства рабочего класса, Либкнехт сказал: «Нет в мире ни одного человека, который хотел и жаждал бы единства более, чем я, готовый отдать за это все (*горячее одобрение*). Но лишь за единство, которое помогает народу, которое может его спасти, за единство во имя цели, к которой стремится весь народ и которую мы должны ясно представлять себе,— лишь за такое единство стоял я всегда».

С присущей революционному трибуну страстностью К. Либкнехт дал краткий, но выразительный ответ на вопрос — «чего же мы хотим?» «Одно из двух,— говорил он,— либо мы хотим покончить с завоеваниями революции, либо мы хотим осуществить социальную революцию и установить социализм». В последнем случае «мы должны объединяться только с теми, кто стремится к той же цели».

«Контрреволюция ведет паступление,— заявил Либкнехт.— Она достаточно сильна, чтобы быстро одолеть вас, если вы не будете сплочены... Я могу поэтому только посоветовать вам: держитесь за свою власть, не упускайте ее, помните о том, что изменники уже за работой, будьте бдительны, ибо рабочий класс может только сам добиться своего освобождения... Отодвиньте в сторону всех тех, кто не на вашей стороне, иначе революция окончится тем, что вернется капитализм». Слова Либкнехта «нам необходима ясность цели, и, если мы хотим достичь этой цели, мы должны действовать решительно» сопровождалась новыми возгласами одобрения⁵⁵.

В своем заключительном слове Р. Мюллер попытался звонкими фразами ослабить впечатление, произведенное речью Либкнехта. Он самоуверенно утверждал: «Мы в Исполкоме знаем, чего хотим, и позаботимся о том, чтобы завоевания революции не были утрачены... Мы, по совету Гаазе, будем толкать правительство вперед. Мы очень хорошо умеем это делать». Вся практика Исполкома свидетельствовала о противоположном. Р. Мюллер заявил также: «Я позабочусь о том, чтобы Конституанта была созвана только тогда, когда для завоеваний революции не будет никакой опасности»⁵⁶. Цена подобным заявлениям видна из того, что лидеры независимцев к этому времени уже капитулировали перед шейдемановцами, согласившись на созыв Национального собрания⁵⁷.

Резолюция Деймига, даже в ее выхолощенном Исполкомом виде, не была поставлена на голосование собрания, а вместе с другими материалами снова передана Исполкому. Дело кончилось тем, что СНУ просто запретил официозному телеграфному агентству Вольфа распространять ее текст, а собственного печатного органа Исполком не сумел создать⁵⁸.

* * *

Считая себя высшим органом общегерманской власти, Исполком Берлинского Совета был, естественно, заинтересован в том, чтобы привлечь

⁵⁴ «Vollversammlungen», Bd. I, Bl. 28—30.

⁵⁵ Ibid., Bl. 40—41. Насколько нам известно, это выступление К. Либкнехта ранее не публиковалось.

⁵⁶ Ibid., Bl. 44.

⁵⁷ 17 ноября 1918 г. вечерний выпуск «Vorwärts» вышел под шапкой: «Всеобщие выборы — 2 февраля». На следующий день газета независимцев «Die Freiheit» с показным возмущением заявила, что этот вопрос не обсуждался в правительстве. Но как раз в день собрания Советов, 19 ноября, она вынуждена была признать, что вопрос о выборах был действительно в принципе решен уже 17 ноября на совместном заседании СНУ и Исполкома (!), только срок еще не был тогда установлен окончательно.

⁵⁸ См. «Vollzugsrat», Bd. 1, Bl. 55, 61 и др., а также R. Müller. Vom Kaiserreich zur Republik, Bd. II, S. 85.

к своей работе также представителей рабочих и солдатских Советов из других частей Германии. 23 ноября было принято постановление о расширении Исполкома. В его состав были включены два представителя Бадена, позднее — представители Баварии, Саксонии, оккупированных Рейнских областей, а также Восточного и Западного фронтов и моряков. Число членов ИК достигло в связи с этим 45 человек.

В конце ноября после длительных дискуссий и согласований с СНУ Исполком издал ряд документов, имевших целью определить положение рабочих и солдатских Советов, а также отношения между Исполкомом и правительством. 23 ноября Исполком принял декларацию, пункт 1 которой гласил: «Политическая власть находится в руках рабочих и солдатских Советов германской социалистической (?) республики». Пункт 2 устанавливал, что до избрания общегерманского Исполнительного комитета Советов берлинский Исполком выполняет его функции. Но практически гораздо важнее был пункт 3, в котором говорилось, что назначение Исполкомом правительства означает передачу последнему исполнительной власти⁵⁹. Значение этого положения станет ясным при сопоставлении его с характерной записью, сделанной Эбертом 18 ноября в своем дневнике: «Исполком требует власти для себя, но народные уполномоченные не куклы в его руках. Народные уполномоченные являются Исполнительным комитетом для государства»⁶⁰. Декларация Исполкома свидетельствовала, что Эберт полностью добился своей цели. Этого не могли ослабить оговорки, содержащиеся в последующих пунктах декларации, например о праве Исполкома назначать и отзывать членов кабинета, осуществлять контроль над его деятельностью и об обязанности правительства при назначении министров-специалистов запрашивать мнение Исполкома. Недаром Р. Мюллер вынужден был вскоре заявить, что «разграничение компетенций» не усилило, а ослабило ИК: «Я должен открыто признать, — говорил он на съезде Советов, — что мы потеряли с этих дней влияние на правительство. Правительство просто не выполняло решений, указаний, которые передавал ему Исполком»⁶¹.

23 ноября Исполком принял также воззвание «К рабочим и солдатским Советам Германии», в котором говорилось: «Там, где учреждения поставили себя на службу новому режиму (?), ведение внутренних дел должно быть... предоставлено им... Всякое вмешательство непосредственно в дела управления недопустимо... Аресты могут проводиться только в крайне необходимых случаях по согласованию с соответствующими инстанциями... Реквизиции любого рода (продовольствия, сырья, угля, денег) разрешаются только по согласованию... Всякое вмешательство в дела водного и железнодорожного транспорта абсолютно недопустимо». Советам рекомендовалось на время демобилизации армии заботиться о расквартировании, питании, санитарном состоянии, трудоустройстве солдат и т. п.⁶² Яснее отразить курс на превращение Советов в простой придаток местной бюрократии было трудно.

Сложнее обстояло дело с Советами на предприятиях. Предпринятая Исполкомом попытка (о которой говорилось выше) подчинить их профсоюзам потерпела неудачу. 23 ноября Исполком утвердил «Директивы о выборах и задачах производственных Советов». Устанавливалось, что они должны обеспечивать политические и экономические интересы рабочих и «совместно с администрацией решать вопросы, касающиеся рабочих и служащих». Признание производственных Советов имело положительное

⁵⁹ «Aufrufe», № 25.

⁶⁰ F. Ebert. Schriften, Aufzeichnungen, Reden, Bd. II. Dresden, 1926, S. 104—105.

⁶¹ «Allgemeiner Kongress der Arbeiter- und Soldatenräte Deutschlands». Berlin, 1919, S. 16. Наиболее ярким примером того, как правительство игнорировало решения Исполкома, являлся инцидент со статс-секретарем по иностранным делам Зольфом. ИК несколько раз официально требовал отставки этого откровенного реакционера, но на съезде Советов Зольф так и оставался на своем посту.

⁶² «Aufrufe», № 28.

значение, так как ослабляло влияние профсоюзных бонз. Однако в директивах содержались положения, практически сводившие на нет политическую роль производственных Советов. Уже само разделение Исполкомом рабочих Советов на две части — на коммунальные (местные) рабочие Советы (*kommunale Arbeiterräte*) и производственные Советы (*Betriebsarbeiterräte* или *Betriebsräte*) таило в себе серьезную опасность. В то время как местные Советы постепенно утрачивали связь с предприятиями и тем самым с рабочим классом, производственные Советы все больше ограничивали свою деятельность узко практическими, экономическими вопросами⁶³. Директивы Исполкома сковывали инициативу масс, подчеркивая, например, что социализация предприятий, осуществления которой все энергичнее требовали рабочие, не является делом производственных Советов, а может быть проведена только в централизованном порядке, «с учетом общих внутренних и внешнеполитических отношений»⁶⁴.

Отношение Исполкома к самостоятельным выступлениям рабочих проявилось особенно наглядно, когда ИК обсуждал вопрос о забастовочном движении, развернувшемся во второй половине ноября. Согласно сообщению, сделанному 25 ноября на заседании ИК, в Берлине прекратили работу 1400 человек на предприятиях фирмы Шток, 1600 рабочих фирмы Цвитуш, тысячи рабочих заводов Даймлера, Сименса и Гальске и др. Они протестовали против увольнений, требовали сокращения рабочего дня. Предприниматели, игнорируя распоряжение Исполкома, отказывались вести переговоры с производственными Советами и соглашались иметь дело только с лидерами профсоюзов. В ходе обсуждения правые социал-демократы Коэн и Майнц настаивали на том, чтобы Исполком «успокоил рабочих», ибо те не хотят слушать представителей правительства. Р. Мюллер произнес по этому поводу одну из своих трескучих тирад: «Надо сообщить правительству, пусть оно примет решительные меры... Оно не хочет, чтобы мы вмешивались в исполнительную власть. Теперь мы потребуем от него, чтобы оно действовало в интересах рабочих». Деймиг же предложил собрать забастовщиков и... сделать им «научный экономический доклад»⁶⁵. Никаких практических мер для поддержки бастующих принято не было.

29 ноября на заседании Исполкома выступил присланный рабочими Гамбурга делегат, который сообщил, что 20 тыс. рабочих завода в Дюнаберге объявили забастовку в знак протеста против предстоящего закрытия предприятия. Он указал, что фирма, получавшая огромные военные прибыли, в состоянии создать резервный фонд и выплачивать рабочим пособие до тех пор, пока они не найдут работы. Против этих требований решительно выступил Г. Мюллер, предостерегая, что может быть создан опасный прецедент. «Мы можем принимать всевозможные общие директивы, — цинично заявил он, — но мы не можем постановить, чтобы на определенном предприятии какое-то время платили заработную плату. Иначе мы впадем в анархию». Гамбургский делегат, не добившийся поддержки в Исполкоме, был спроважен Р. Мюллером в ведомство труда⁶⁶.

Недели через две тот же вопрос вновь возник на заседании ИК. Рабочие завода Цвитуш требовали у ИК поддержки против владельцев фирмы: но их заявление было направлено в комиссию и там погребено⁶⁷. Можно ли удивляться, что Исполком все более терял доверие рабочих, которое было его единственной опорой?

⁶³ Р. Мюллер еще 17 ноября, выступая на собрании берлинских металлистов, заявил, что «разделение труда» между членами рабочих комиссий (производственных Советов) и членами местных рабочих Советов должно быть проведено так, чтобы первые занимались экономическими, а вторые — политическими вопросами. — «Freiheit», 20.XI. 1918.

⁶⁴ «Aufrufe», № 26.

⁶⁵ «Vollzugsrat», Bd. 1, Bl. 107, 109, 113.

⁶⁶ Ibid., Bl. 194—195.

⁶⁷ Ibid., Bd. 2, Bl. 111.

23 ноября Исполком принял решение о созыве на 16 декабря 1918 г. Всегерманского съезда Советов и о выборах делегатов. Показательно, что в опубликованном сообщении имелись формулировки, создававшие впечатление о временном характере деятельности Советов и о том, что сам Исполком не уверен в их жизнеспособности. «П о к а законодательное собрание не сказало последнего слова о конституции и новой организации республиканской Германии,— говорилось, например, в этом документе,— рабочие и солдатские Советы должны выражать волю германского народа». В сообщении указывалось, что съезд Советов должен будет провести «выборы в р е м е н н о г о Центрального Совета», разработать общую для всех рабочих и солдатских Советов избирательную систему и принять решение «о будущем законодательном собрании». Исполком постановил, что выборы должны проводиться (будто бы «для скорости») не по производственному, а по территориальному принципу. При этом, если рабочие избирали по одному делегату от 200 тыс. жителей, то солдаты — от 50 тыс.⁶⁸ После длительных препирательств было решено, что офицеры не должны участвовать в выборах и не могут быть избраны делегатами⁶⁹. Возник спор также о том, кого следует избирать в качестве рабочих делегатов. В конце концов была принята формула — «рабочие физического и умственного труда»⁷⁰, которая позволила, с одной стороны, широко открыть двери мелкобуржуазным элементам⁷¹, а с другой,— помешать избранию делегатами съезда Карла Либкнехта и Розы Люксембург под тем искусственным предлогом, что они будто бы не занимались «производительным трудом».

29 ноября Исполком обсуждал вопрос о приглашении на Всегерманский съезд Советов делегации Всероссийского ЦИК. Деймиг сообщил, что предложение об этом поступило по радио из Москвы⁷². Ледебур рекомендовал ответить, что рабочие и солдатские Советы с радостью примут такую делегацию и сделают все для ускорения ее приезда. Однако правый социал-демократ Портнер выступил против этого, заявив, что Антанта будет недовольна приездом русских представителей. Его поддержал член ИК от Восточного фронта Эме, который настаивал на том, чтобы запросить мнение правительства. Было решено послать телеграмму без согласования и просить правительство принять меры для проезда делегации через границу⁷³.

10 декабря Исполком вернулся к этому вопросу. Деймиг сообщил, что солдатский Совет Восточного фронта (находившийся в руках реакционного офицерства) отказался пропустить русскую делегацию, а правительство официально сообщило, что не может ее принять. «Кабинет снова открыто выступает против нашего решения...,— продолжал Деймиг.— Нам необходимо по крайней мере дать понять правительству, что оно не должно всегда ставить нас перед свершившимися фактами... Рабочие будут считать нас марионетками, если мы будем подчиняться подобным решениям».

Здесь снова, как и во многих других случаях, громкие слова прикрывали соглашательскую политику. За сохранение приглашения делегации

⁶⁸ «Aufrufe», № 29, 30, 37, 41. Подчеркнуто мной.— Я. Д.

⁶⁹ «Vollzugsrat», Bd. 2, Bl. 10—18. Это решение не было выполнено, и среди делегатов съезда оказалось несколько кадровых офицеров.— См. «Allgemeiner Kongress der Arbeiter- und Soldatenräte Deutschlands», S. 200, 207.

⁷⁰ Ibid., Bl. 90—93.

⁷¹ Так, например, в Дрездене избирательное право предоставлялось всем, имевшим годовой доход до 6 тыс. марок, в Хемнице — до 7,5 тыс. марок.

⁷² Радиограмма, подписанная председателем ВЦИК Я. М. Свердловым, была обнаружена в архивах ГДР и впервые опубликована в журнале «Geschichte in der Schule», 1956, Н. I, S. 27. Русский перевод см. «Новая и новейшая история», 1957, № 5, стр. 121.

⁷³ «Vollzugsrat», Bd. 1, Bl. 206—240; «Aufrufe», № 34.

ВЦИК было подано 9 голосов, против — 13⁷⁴. Это было еще одно звено в позорной цепи капитуляций Исполкома.

Комментируя сложившееся положение, «Die Rote Fahne» метко сравнила Исполком Берлинского Совета и ВЦИК: «Исполком объединенных Советов России, что бы о нем ни кричали, разумеется, совсем не то, что Берлинский Исполком. Тот — голова и мозг могущественной революционно-пролетарской организации, этот — пятое колесо в телеге капиталистической правительственной клики; тот — неисчерпаемый источник пролетарского всевластия, этот — подобен опустошенной походной фляге, которая в летний день висит на боку; тот — живая плоть революции, этот — ее гробница...

Мать — революция — будет жить, но ее сыну — Исполкому угрожает смертельная опасность»⁷⁵.

* * *

Грозным предостережением для Исполкома и Советов вообще явилась попытка контрреволюционных заговорщиков осуществить 6 декабря в Берлине государственный переворот.

Эти события Берлинский Совет мог предвидеть. Еще в ноябре стало известно, что правительство и монархические генералы начали поход против Советов, стремясь использовать в своих целях наименее сознательных солдат. Так, 24 ноября на заседании ИК было сообщено, что в 6-й и 4-й армиях Западного фронта офицеры ведут контрреволюционную пропаганду⁷⁶.

Через два дня вопрос о низком политическом уровне солдатских Советов, о засилье в них офицеров, о необходимости развернуть среди солдат разъяснительную работу вновь обсуждался Исполкомом. Появившийся на заседании «народный уполномоченный» Э. Барт произнес истерическую речь. «Я хочу сообщить вам, — сказал он, — что завтра утром на собрании рабочих Советов берлинского пролетариата я призову к борьбе. Мы должны овладеть оружием и не позднее воскресенья располагать способной к действиям армией...». Сообщив о полученных телеграммах протеста против контрреволюционных действий военщины, Барт продолжал: «Пора покончить с разговорами, выйти к массам. Необходимо также конфисковать все имеющееся оружие и вручить его нашим надежным людям... Выбора нет: либо мы будем вешать, либо висеть».

Ледебур и Р. Мюллер предложили заявить протест и разослать специальную листовку самолетом во все страны мира, а также принять «решительные меры». В ответ правые социал-демократы во главе с Г. Мюллером призывали к «выжиданию» и «хладнокровию». В результате было решено отложить все «до завтра»⁷⁷. Тем дело и кончилось. Барт быстро позабыл о своих угрозах, хотя новые сообщения подтвердили, что войска по пути своего следования разгоняют местные Советы, срывают красные флаги и т. п.⁷⁸.

✓ 28 ноября в здании рейхстага в Берлине состоялось созванное без ведома Исполкома собрание солдатских Советов. Оно протекало очень бурно. Антисоветские выпады чередовались здесь с нападками на Берлинский Исполком и даже с призывами к его разгону. Р. Мюллеру едва дали слово. На собрании был создан особый солдатский президиум, противопоставивший себя, таким образом, Исполкому. В ответ Исполком принял решение, объявлявшее собрание солдатских Советов недействительным и запрещавшее членам ИК принимать участие в подобных собраниях. 1 декабря в

⁷⁴ «Vollzugsrat», Bd. 2, Bl. 44—51.

⁷⁵ «Die Rote Fahne», 12.XII.1918.

⁷⁶ «Vollzugsrat», Bd. 1, Bl. 89.

⁷⁷ Ibid., Bl. 183—184, 185—188, 189.

⁷⁸ Ibid., Bl. 212—217.

Бад-Эмсе по инициативе верховного командования был проведен съезд солдатских Советов фронтовых войск, высказавшийся за созыв Учредительного собрания. 3 декабря на заседании Исполкома Р. Мюллеру и еще двум членам ИК были предоставлены «чрезвычайные полномочия» для принятия мер против готовившегося заговора. Было решено усилить охрану здания ИК. Деймигу было поручено составить листовку к солдатам⁷⁹. Таким образом, попытки Г. Мюллера представить путч совершенной неожиданностью оказываются заведомой фальсификацией⁸⁰.

Разумеется, принятые Исполкомом полумеры не могли сорвать выступление контрреволюции. В пятницу 6 декабря собравшиеся у здания имперской канцелярии солдаты предприняли попытку провозгласить Эберта президентом. Группа солдат и унтер-офицеров одного из гвардейских полков во главе с фельдфебелем Фишером ворвалась в помещение Исполкома и заявила, что по приказу правительства намерена арестовать его членов. Известие об аресте Исполкома быстро разнеслось по городу. Рабочие, по призыву спартаковцев устремившиеся с окраин в центр, вместе с матросами освободили Исполком; путчисты были рассеяны. В это же время войска берлинской комендатуры, безучастно наблюдавшие за действиями контрреволюционеров, открыли огонь по мирному шествию рабочих, возвращавшихся с митингов. 16 человек было убито, 30 ранено.

На следующий день в Берлине состоялась 150-тысячная демонстрация. Демонстранты требовали отстранения виновников кровопролития — Вельса, Эберта, Шейдемана. Под давлением масс независимцы Обух и Ледебур на совместном заседании правительства и Исполкома⁸¹ потребовали отставки Эберта, которого путчисты не без его ведома прочили в диктаторы. Однако большинством голосов это требование было отклонено. Более того, 9 декабря было опубликовано совместное заявление СНУ и Исполкома, в котором не было ни слова осуждения в адрес виновников «Кровавой пятницы», а, напротив, шла речь о «сотрудничестве» Исполкома и правительства, «основанном на взаимном доверии». Оба эти органа, говорилось в заявлении, стремятся к одной политической цели: «обеспечить германскому народу социалистическую республику. СНУ безусловно придерживается данной революцией конституции, которая без согласия Исполнительного комитета рабочих и солдатских Советов не может быть изменена»⁸².

Выступивший 11 декабря на заседании Исполкома полицей-президент Берлина Э. Эйхгорн сообщил о раскрытии заговора и аресте некоторых руководителей контрреволюционного «студенческого ополчения», получившего со складов военного министерства значительное количество оружия. Он доложил также, что военный министр Шейх, а вслед за ним члены правительства Эберт, Ландсберг и Гаазе потребовали освобождения одного из организаторов заговора — чиновника военного министерства капитана Лоренца. Однако предложение Эйхгорна о создании революционного трибунала, который расследовал бы дело о заговоре, а также «дело Тиссена», было Исполкомом отклонено⁸³. Лоренц был на следующий день освобожден, другие организаторы скрылись, и все дело было замято.

⁷⁹ «Vollzugsrat», Bd. 2, Bl. 14—15, 20—21.

⁸⁰ H. Müller. Die Novemberrevolution, S. 144—146.

⁸¹ К сожалению, протокол этого заседания отсутствует и приходится пользоваться изложением, данным Г. Мюллером.

⁸² «Aufrufe», № 48.

⁸³ «Vollzugsrat», Bd. 2, Bl. 53—67; «Aufrufe», № 45, 46.

«Дело Тиссена» заключалось в следующем: 7 декабря Мюльгеймский рабочий и солдатский Совет арестовал группу крупных промышленников по обвинению в тайном заговоре с целью призвать войска Антанты для оккупации всего Рейнско-Вестфальского промышленного района. Арестованные были отправлены в Берлин. Правительство Эберта не только немедленно освободило магнатов капитала без всякого следствия, но и извинилось перед ними за «самоуправство Советов».

Уже 10 декабря Исполкому пришлось обсуждать вопрос о введении в Берлин гвардейских войск, прибывших с Западного фронта. Они вступали с оружием. СНУ устроил им торжественную встречу. Это вызвало серьезное беспокойство и протесты рабочих. На заседании ИК Ледебур заявил, что правительство стремится создать себе преторианскую гвардию, чтобы использовать ее против Советов. Поэтому войска приводят к присяге на верность правительству Эберта, а не республиканской конституции. Он потребовал немедленной демобилизации гвардейских войск и привлечения СНУ к ответственности за превышение полномочий. Ледебура поддержал Вегман, а представитель солдатского Совета, выезжавший навстречу войскам, подтвердил, что солдат натравливают против рабочих и они не имеют никакого представления о том, что делается в Берлине ⁸⁴.

Однако Исполком и на этот раз ограничился обращением к СНУ с просьбой распорядиться, чтобы «в Берлине и ближайших окрестностях по экономическим соображениям (!) расквартировывались только такие части возвращающихся полевых войск, которые еще в мирное время стояли здесь гарнизоном», чтобы «по тем же причинам прохождение чужих воинских частей было ограничено минимумом и урегулировано так, чтобы на Берлин не приходилось более одного дня отдыха», и, наконец, чтобы «военное министерство немедленно издало распоряжение, по которому солдатам вступающих и проходящих фронтовых частей не разрешалось иметь на руках боеприпасы» ⁸⁵. Но даже эти, весьма скромные, пожелания ИК были оставлены правительством без внимания.

Роза Люксембург с полным основанием отмечала в эти дни в «Die Rote Fahne», что вся подготовленная правительством акция — торжественная встреча гвардейских войск, отказ от их разоружения, принесение ими присяги правительству без упоминания об Исполкоме — направлена «прямо против Исполкома... Это была демонстрация силы эбертовского кабинета, угроза и провокация в первую очередь против Исполкома рабочих и солдатских Советов! Исполком — это тень, ничто, — вот что должна была показать всему миру эбертовская демонстрация при встрече гвардейских войск... Только неспособность к действиям и собственная вялость Исполкома сделали возможной игру Эберта — Шейдемана. Однако ущерб нанесен самой рабочей массе... Если рабочие и солдатские Советы всей Германии не раздавят без сожаления гнездо Эберта — Шейдемана, они сами очень скоро будут оттеснены так же, как нынешний Исполком, и в конце концов будут задушены победоносной контрреволюцией» ⁸⁶. Это предостережение, к сожалению, вскоре оправдалось.

* * *

После описанных событий СНУ вовсе перестал считаться с Исполкомом и открыто третировал его. В то время как Исполком продолжал на своих заседаниях бесплодные споры о том, нужно ли назначать контролеров в министерства, правительство издевательски отказалось отпустить Исполкому изпрошенные суммы на текущие расходы. Оно несколько раз возвращало представленную ИК роспись расходов, требуя ее уточнения и сокращения. Не без содействия правительства в прессе появились нелепые клеветнические измышления о «расточительстве» Исполкома. Хотя Ледебур и заявил, что нужно не кланяться, а требовать денег у правительства, эти заявления остались бесплодными. 14 декабря шоферы Исполкома объявили забастовку, так как им не была выдана заработная плата. Правительство заявило, что согласно вести переговоры только по телефону. В этот день Исполком вынужден был уволить всех своих служащих, так

⁸⁴ «Vollzugsrat», Bd. 2, Bl. 37—38, 39—40.

⁸⁵ «Aufrufe», № 49.

⁸⁶ R. Luxemburg. Ausgewählte Reden..., Bd. II, S. 633—634.

как им нечем было платить⁸⁷. Наконец, СНУ решил перевести Исполкому 100 тыс. марок, из которых 95 тыс. предназначались на проведение съезда Советов и 5 тыс. на «прочие расходы»⁸⁸.

Таково было положение, в котором оказался Исполком Берлинского Совета накануне Всегерманского съезда Советов. Рассмотрение работы последнего не входит в нашу задачу. Отметим лишь, что отчет Исполкома, сделанный на съезде Р. Мюллером, представлял собой сплошную жалобу на то, что СНУ систематически оттеснял Исполком от решения важнейших вопросов и пытался вообще ликвидировать его, что буржуазная пресса, поддержанная правительством, всячески клеветала на Исполком. «Мы пытались в Исполкоме, — утверждал докладчик, — обеспечить завоевания революции. Это нам не удалось. Нужно ясно сказать: эти завоевания в большой опасности»⁸⁹.

Но большинство делегатов съезда (свыше половины их были партийными или профсоюзными чиновниками) поддержало правительство Эберта. Выборы в Национальное собрание были назначены на 19 января 1919 г., а до этого вся законодательная и исполнительная власть передавалась СНУ. Избранный на съезде Центральный Совет получал еще меньше прав, чем бессильный Исполком Берлинского Совета.

* * *

Деятельность рабочего и солдатского Совета Берлина и его Исполнительного комитета со времени его образования до I Всегерманского съезда Советов — одно из важных звеньев истории Ноябрьской революции. Правда, не все Советы, возникшие в это время в разных концах страны, действовали так же, как Берлинский. В Бремене, Гамбурге, отчасти в Мюнхене и некоторых других городах они проявляли значительно больше самостоятельности и активности в отстаивании своих прав и в борьбе за углубление революции. Но были, вместе с тем, и Советы, еще более, чем Берлинский, оторванные от революционных масс и рабски выполнявшие волю шейдемановцев. Пример Берлинского Совета характерен не только потому, что это был столичный Совет, но и потому, что, как отмечал К. Либкнехт, степень политической зрелости его членов примерно соответствовала средней зрелости других Советов страны⁹⁰.

Если бы Исполком Берлинского Совета решился в первые дни своего существования опереться на революционные массы и возглавить их борьбу, он мог бы стать реальной властью. Но он упустил эту возможность. «Уже на другой день, — писала Роза Люксембург, — проявилось заметное стремление шейдемановцев поставить кабинет Эберта сначала как независимый орган *рядом*, а затем шаг за шагом *над* Исполкомом... Право суверенитета было по воле рабочих и солдатских Советов на стороне Исполкома, но *действительную* власть Эберт и К^о сумели взять в свои руки»⁹¹.

Берлинский Исполком не создал себе собственной вооруженной опоры, не приступил к разрушению старого чиновничьего и военного аппарата, не мобилизовал инициативу и активность широких масс трудящихся города и деревни, не вдохнул революционный дух в местные и производственные Советы, не создал даже собственного печатного органа. А в это время правительство, опираясь на союз с генералитетом, выпрашивая поддержку у империалистов США и Антанты, все более укрепляло позиции буржуазии и с беззастенчивым цинизмом усиливало атаки против Советов.

⁸⁷ «Vollzugsrat», Bd. 2, Bl. 138, 148.

⁸⁸ См. Н. Мюллер. Die Novemberrevolution, S. 221—222. Для сравнения следует иметь в виду, что расходы ИК за время с 12 ноября по 1 декабря составляли около 18 тыс. марок в день, а с 1 по 5 декабря — около 10 тыс. марок.

⁸⁹ «Allgemeiner Kongress der Arbeiter- und Soldatenräte Deutschlands», S. 18.

⁹⁰ К. Либкнехт. Ausgewählte Reden..., S. 474.

⁹¹ Р. Люксембург. Ausgewählte Reden..., Bd. II, S. 632.

Демонстрация трудящихся Берлина 16 декабря 1918 г. перед зданием, где заседает
Всегерманский съезд Советов

Говоря о причинах бессилия Исполкома Берлинского Совета, нужно прежде всего подчеркнуть, что даже такие его деятели, как Деймиг, Ледебур, Р. Мюллер, не были пролетарскими революционерами, которые ясно видели бы цели и задачи рабочего класса и могли бы повести за собой массы. Это были мелкобуржуазные резонеры, герои революционной фразы, боявшиеся решительных действий масс и неспособные организовать их на борьбу. Страшась союза с подлинными революционерами — спартаковцами, стремившимися под лозунгом «Вся власть Советам!» поднять пролетариат на штурм твердынь капитализма, левые независимцы предпочитали идти на гнилые компромиссы с шейдемановцами. Каковы бы ни были их субъективные устремления, они своими действиями предавали дело революционного пролетариата.

История Берлинского Совета является поэтому еще одним ярким свидетельством того, что без руководства со стороны подлинно революционной, марксистско-ленинской партии Советы не в состоянии стать действительными органами пролетарской диктатуры, а обречены на прозябание и гибель.

Можно ли в этих условиях говорить о периоде «двоевластия» в Германии? ⁹² Двоевластие, сложившееся в России в период между февралем и июлем 1917 г., было своеобразным переплетением двух диктатур: диктатуры буржуазии в лице Временного правительства, с одной стороны, и диктатуры рабочих и крестьян в лице Советов, — с другой. В том, что правительство Эберта было органом буржуазной диктатуры, не может быть сомнения. Но анализ деятельности Берлинского Совета, как нам представляется, наглядно показывает, что его Исполком ни разу не выступил в роли органа пролетарской диктатуры, исполненного решимости и способного сломить сопротивление противоборствующих сил.

Поэтому глубоко прав был К. Либкнехт, когда в ноябре 1918 г. говорил (имея в виду и Берлинский Исполком), что политическая власть рабочих и солдатских Советов в Германии «только лишь фасад» ⁹³. Если в первые дни своего существования Исполком мог стать реальной властью, то эта возможность не превратилась в действительность.

⁹² См., например, M. Einhorn. Zur Rolle der Räte im November und Dezember 1918. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, Н. 3; В. И. Биллик. О своеобразии Ноябрьской революции 1918 г. в Германии. — «Вопросы истории», 1956, № 6, стр. 91.

⁹³ К. Liebknecht. Ausgewählte Reden..., S. 474.

